

— Я... я...

Стыдливый Чжао Баи с трудом пересилил себя, лишь бы просто коснуться ладонью налившегося, вставшего колом достоинства, но сдвинуть руку так и не решился. Пальцы словно одеревенели.

— Что стряслось?

Уловив в его голосе растерянность и жгучий стыд, Юань Бинхуа обернулся. Парень стоял, сжимая в кулаке собственную напрягшуюся плоть, и смотрел на него — жалобно, понуро, точно-точно как обделенный костью щенок. В эту секунду внутри у Бинхуа что-то горячо полыхнуло. В несколько широких шагов он преодолел разделявшее их расстояние. Заметив, что Баи инстинктивно пытается попятиться, он мгновенно перехватил его за предплечье.

Вздрогнув, Баи рванулся назад, повинуюсь слепому желанию сбежать. Взгляд, которым его сейчас сверлил Бинхуа, пугал: в нём горело незнакомое прежде, душное, давящее вожделение. Но вырваться не удалось — пальцы старшего сомкнулись на руке мёртвой хваткой, точно стальные тиски.

Бинхуа был слишком проницателен, чтобы не заметить этот животный страх. Разум мгновенно возобладал над вспыхнувшей похотью. Стерев с лица хищное выражение, он привычно, мягко улыбнулся и шутливо показал кончик языка:

— Что, мелюзга, в первый раз, что ли?

Баи оторопел — он никогда прежде не видел, чтобы рассудительный Бинхуа так дурачился. Липкий страх немного отступил. Но стоило ему приоткрыть рот, чтобы ответить, как чужая широкая ладонь накрыла его пальцы, сжимавшие возбуждённый член, и уверенно двинулась вверх-вниз, заставляя его руку повторять это движение.

— Брат Хуа! — испуганно вскрикнул Баи, пытаясь отпрянуть.

Куда там! Бинхуа уже перехватил его поперёк талии, прижимая к себе железной хваткой, и что-то негромко шепнул на ухо.

Слова эти подействовали как ушат ледяной воды. Нахлынувший было жар мгновенно испарился, а сам Баи застыл, точно громом поражённый. Он во все глаза уставился на товарища, не в силах вымолвить ни слова от глубочайшего потрясения.

Бинхуа лишь негромко рассмеялся, глядя на его ошарашенное лицо:

— Да ладно тебе. На самом деле... у меня это тоже впервые.

Баи так и не понял, как очутился в казарме. Он не помнил, ходил ли в душ, смывал ли с себя пот — случившееся запредельным грузом давило на разум. Юное сердце наотрез отказывалось принимать и переваривать подобное откровение. Всё происходящее казалось дурным, невероятно реалистичным сном.

Поэтому, когда его сосед по койке Линь И заметил, что вечно неугомонный младший товарищ задолго до отбоя зарылся с головой в одеяло, изображая глухую оборону, он заговорщически переглянулся с сидевшим на верхнем ярусе Цинь Лу. Оба, ухмыляясь, на цыпочках двинулись к этому бесформенному кокону. В планах у старых солдат было устроить знатную встряску, всласть поиздеваться над салагой, а после с чувством выполненного долга завалиться спать.

Однако коварному замыслу не суждено было сбыться. Путь заговорщикам преградил Юань Бинхуа. С неизменной доброжелательной улыбкой он заступил дорогу к кровати Баи и вкрадчиво прошептал:

— Парни, пощадите мелкого. Он прошлую ночь почти не спал, а сегодня на полигоне из него все соки выжали. Пусть отрубится, не надо его трогать.

Против искренней улыбки, как известно, не попрёшь. Старослужащие не стали упорствовать и отступили. Цинь Лу по-дружески похлопал Бинхуа по крепкому плечу:

— Слушай, Бинхуа, а ты крепкий малый. До армии спортом занимался?

Новобранцы, едва покинувшие роту новобранцев, редко могли похвастаться столь рельефным телом. Под мешковатой полевой формой атлетическое сложение Бинхуа обычно не бросалось в глаза, но сейчас, оставшись в одной защитного цвета майке и небрежно наброшенном на плечи бушлате, он невольно приковывал взгляд. Очерченные, литые грудные мышцы обтягивала плотная ткань, и поджарый Цинь Лу не смог сдержать мимолётной зависти.

— Что, Сяо Луцзы, завидно стало? — хохотнул Линь И.

Самому Линь И исполнилось двадцать четыре года, а призвался он только в двадцать два, так что во втором отделении считался едва ли не старожилом. Он ловко взлетел на свой ярус, взбил подушку и, уже собираясь улечься, услышал реплику товарища. Мимо такой подначки он пройти не мог.

Линь И обожал подтрунивать над ростом приятеля. При своих ста восьмидесяти одним сантиметрах он умудрялся выставить несчастные сто семьдесят девять Цинь Лу чуть ли не признаком карликовости, хотя со стороны разница казалась ничтожной. Картину портила мальчишеская внешность Цинь Лу: хрупкое сложение и вечно юное лицо делали его похожим на школьника. Стоило ему надеть парадную форму и выйти на плац, как брючины сиротливо полоскались на ветру. Линь И за это прозвал его «сачком», уверяя, что тот отлынивает от

физподготовки, а белая, никак не поддающаяся загару кожа лишь усугубляла положение, лишая Цинь Лу последних аргументов в споре.

— Кто ещё тут завидует? — фыркнул Цинь Лу, метнув на него недовольный взгляд. — Перекачался, как булыжник. Девчонкам вообще-то стройные нравятся!

Дальше словесной перепалки дело не пошло. За время службы Цинь Лу усвоил: в языковой дуэли Линь И не одолеть, тот всегда умудрялся оставить последнее слово за собой. Пришлось поубавить пыл. Впрочем, дурной пример заразителен — общаясь с этим балагуром, прежде скромный и тихий Цинь Лу и сам поднаторел в армейском красноречии. С другими сослуживцами он теперь разделялся на раз-два, но с Линь И они предпочитали обмениваться беззлобными колкостями. Сам Линь И именовал эту пикировку «мужской дружбой с огоньком».

Юань Бинхуа благоразумно не лез в их дружескую грызню, чтобы случайно не попасть под раздачу. Он вновь обернулся к кровати Баи, всё ещё лежавшего под одеялом неподвижным комом. В глубине его умных, цепких глаз промелькнула едва заметная тёплая усмешка. Но стоило ему отвернуться, как он столкнулся взглядом с командиром отделения Ван Анем. На мгновение тому показалось, будто в зрачках новобранца вспыхнул дерзкий, едва ли не вызывающий вызов. Однако не успел сержант присмотреться и понять, показалось ему это или нет, как Бинхуа уже небрежно развернулся и направился прямо к нему.

<http://bllate.org/book/18247/1764859>